

КОНЦЕПТ «ДУРАК» В РУССКОМ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Я. Г. Мельник

Прикарпатский национальный университет имени В. Стефаника

Реферат. В исследовании концептосферы русского языка и функционирования концепта «дурак» как компонента структуры выделяются основные лингвокультурные черты. Анализ русской языковой картины мира в контексте исследуемого концепта позволяет более четко позиционировать этот сложный и противоречивый компонент и найти его уникальную функциональную формулу. Нарботки современных лингвистов не дают полной картины и исчерпывающей информации как в области концептологии, так и функционирования конкретного концепта. Концепт «дурак» в пределах русского культурно-языкового пространства занимает особое место, поскольку является одним из компонентов концептуальной модели языкового бытия, а также носителем широкого спектра черт – от выражено отрицательных до нейтральных и положительных. Кроме того, специфика исследуемого объекта одновременно является экспликатором мировоззренческо-аксиологической модели мира не только представителей русского ментально-языкового пространства, но и восточных славян в целом.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, языковая картина мира.

Наука о языке в начале XXI века претерпевает радикальные изменения и принципиально меняет свою парадигму. С одной стороны, более глубоко исследуются языковые реалии в плоскости формально-логических феноменов, что было абсолютной доминантой в течение второй половины XX века; с другой стороны, происходит переориентация на антропоцентрические модели, принципы, подходы. В связи с этим в научно-лингвистическом дискурсе наблюдается достаточно пёстрая полифония, диапазон которой иногда «уходит» слишком далеко от «чистой лингвистики» и «окунается» в среду социологии, культурологии, психологии, нейрофизиологии и многих других сфер. Тут можно с уверенностью сказать, что с конца XX века в языкознании наступила эра концептологии. Она позволила открыть новые горизонты в языкознании и фактически создать предпосылки для формирования новой эпистемологии. Язык рассматривается как «дом духа», «дом языка», «дом знания», «дом философствования» [1, с. 8]. Эти подходы расширили рамки прочтения и интерпретации языкового знака. И, несмотря на то, что на протяжении этого времени появилось определённое количество разработок, которые существенно не дополняют знания о языке и мире, современной лингвистикой выдвинут ряд трудов, которые более чем убедительно демонстрируют полифункциональную и полиструктурную природу языкового знака. И эта «полиструктурность» характеризуется значительным «разбросом» плоскостей, в которых реализуется языковой знак, поэтому поле поиска значительно расширилось и в контексте упомянутых процессов на передовую науки о языке в 90-е гг. XX века вышла концептология с ее сложной иерархией и методологией.

Таким образом, последнее десятилетие демонстрирует процесс «погружения» – более глубокого и детального исследования явления на частных и более узких фрагментах бытия языка, с одной стороны, и попытку обобщения полученного опыта на более высоком уровне, который всё чаще вливается в координаты философской антропологии, – с другой. В связи с этим хочется выделить труды отечественных и зарубежных исследователей, которые сделали существенный вклад в современную науку о концептах. Активно разрабатывают вопросы когнитологии Д. Лихачев,

А. Вежбицкая, Н. Арутюнова, Е. Кубрякова, В. Маслова, Ю. Апресян, И. Стернин, Ю. Степанов, А. Селиванова, Н. Слухай, В. Карасик, С. Жайворонок, В. Кононенко, В. Красных, С. Воркачев и ряд других.

Опираясь на достижения современных исследований, можно выстраивать условную перспективу концептологии. Хотя прогнозы в любой сфере бытия недостаточно оправданы, могут быть подвержены критике, но у вышеупомянутой области знаний перспектива достаточно очевидна. Когнитология и, естественно, концептология будут сливаться с другими сферами знаний, образуя синтетические направления, а также будет расширяться пространство поиска этнокультурных феноменов с целью постижения основ самобытности, культурно-языковых субстанций. В этом контексте наработки современной когнитивистики не потеряют своей актуальности, поскольку будут способствовать упорядочению всех пазлов познания и формированию целостной картины человеческого знания о мире.

В контексте изложенного выше обратим внимание на континуум исследуемых концептов в пределах восточнославянских языков. В поле зрения исследователей попало значительное количество объектов, которые представляют формат ментально-языковой и культурно-когнитивной парадигм. Результатом таких работ являются словари концептов, культурных констант, знаков языка и культуры и пр., но, несмотря на это, «знание о знании», наполняемость концептов и уникальность их внутренних структур остаются во многом не изученными или имеют признаки поверхностного или частичного описания. К таким единицам относится весьма сложная, противоречивая единица русской языковой картины мира и концептологии в целом – концепт «дурак».

Говоря о концепте «дурак» и его структурно-семантических, функциональных и когнитивных особенностях в пределах восточнославянских культур и в русском языке в частности, рамки поиска и описания мы сузим до лингвокультурных концептов, поскольку это продиктовано форматом и параметрами исследования. Преимущество такого подхода является очевидным, поскольку в эпицентре разработок окажутся словари разного типа, в том числе лексикографические материалы последних лет.

Апеллируя к определенному понятийному образу и структуре, заметим, что лексема «дурак» вошла в языковое пространство на раннем этапе развития культурной и языковой систем. К XVI–XVII вв. эта словоформа с её денотативно-сигнификативными слагаемыми прочно утвердилась в языковой системе. Указанная лексическая и ментально-понятийная единица формирует также парадигматическую и синтагматическую модель с широким спектром функционирования. Подтверждения этому находим в фольклорном массиве, художественной литературе, лексикографических и др. источниках, но, пожалуй, самой распространенной средой бытования является дискурс сказки, где персонаж, номинированный указанной лексемой, обладает соответствующим комплексом черт. Выходя за пределы лексикографических координат и апеллируя к лингвокультурологии и языковой картине мира, можно выделить три основные черты, или семантические доминанты исследуемой культурно-языковой категории. Во-первых, *«дурак» – это глупый человек с низким интеллектуальным уровнем, не способный адекватно реагировать на окружающую действительность. Во-вторых, это шут, юродивый, человек с определенными психическими отклонениями. В-третьих, это положительный персонаж сказок, по сути своей добрый, отзывчивый человек, обладающий чертами альтруизма.* Такова принципиальная модель, структура ментально-понятийного образования, которое представлено в восточнославянской лингвокультуре. Заметим, что существенное различие между дефинициями и более широкими интерпретациями исследуемого понятия в русском, украинском и белорусском языках не представлено.

Указанный концепт, равно как и понятие, эксплицируется в восточнославянской, в том числе русской, концептосфере не отдельной лексемой, а с помощью

синонимического ряда, который состоит из ряда элементов: *олух, глупец, болван, дурень, дуралей, придурок, балда, недоумок, идиот, кретин и др.* [2, с. 131]. Этот спектр лексических единиц отражает оттенки понятия, особенности значения и функционирования. Но в основе обозначенного «семантического сгустка» – семантический идентификатор, который характеризует человека чертами интеллектуальной неполноценности с элементами неадекватного поведения. В речевой же ситуации субъект, номинированный указанной лексемой или одним из синонимических вариантов, может эксплицировать скорее субстантивную оценку говорящего, чем реальный факт. Более того, указанная лексико-семантическая структура принадлежит к категории эмоционально-экспрессивной, о чем свидетельствуют стилистические пометки в словарях.

Для более полной, изометрической презентации концепта «дурак» целесообразно рассмотреть диахронический срез формирования понятия и семантической структуры, а также коснуться этимологии.

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера лексема «дурак» – то же, что «дурной» – представлена генеалогическими и семантическими признаками: «*дурной, укр. дурний «глупый, сумасшедший», блр. дурны, дурь ж. // Родственно лит. supradirkti «бурно, стремительно», radirmai «стремительно», др.-прусск. Dirgai «боязливо»* [3, с. 555].

В этимологическом словаре украинского языка выделены следующие семантические признаки: «*дур «дурість; запаморочення; пустоці», дурак, [дурасій Я, дурація Ж, дурачество Ж], [дурбар] «дурень»; «ст. «гордый, шаленый», ч. [durny] «дурный, похотливый, злий», «ледарює», «ледар», «поривчастий, злий», «запальний, гарячкуватий», «похотливый», «стрімкий, несамовитий», «шалію, збурююсь»* [4, с. 147].

Любопытно то, что древнерусские тексты и словари древнерусского языка практически не фиксируют лексическую форму и ее варианты, но в «Этимологическом словаре славянских языков» представлена широкая палитра словоформ с обширной аппликацией семантических оттенков и вариантов. Так, скажем, в сербо-хорватском исследуемое понятие соотносится с признаком «*сердитый, злой человек*»; в чешском – «*дура, шлюха*»; в русском – «*глупая, тупая женщина*» (отсюда «*dureti*» – «*тупо, бессмысленно смотреть.., молча сидеть в задумчивости.., быть в замешательстве.., терять разум.., сходить с ума.., беситься.., сердиться, злиться, дуться.., болеть безумством*») [5, с. 160–161]. Широкий спектр признаков в указанном словаре раскрывает лингвокультурную вариативность, которая соотносится не только с лингвоантропометрическими характеристиками, но и с миром живой и неживой природы. Dur – «*пугливый, дикий..; своенравность, коварство..; затмение, умопомрачение, горячка..; дурачество, блажь, сумасбродство..; бешенство, сумасшествие..; шалости, проказы, баловство..; бессмысленная речь больного.., бред; глупость, одурение..; бурный, неистовый..; неотступный, напористый..; буйствовать, бушевать..; заостренная палка..; гной в нарыве, ране..; помешательство, бешенство..; головокружение, тошнота, гной, отбросы, грязь, сор...*» [5, с. 160–161] и др. особенности социального поведения, психического состояния эксплицируются следующими семантическими компонентами (о человеке, животном): «*...вспыльчивый, неистовый, злой..; глупый, дурацкий, сумасшедший..; пугливый, злобный, грубый..; нехороший, скверный; безрадостный, гнетущий, пугливый..; некрасивый, неблагоприятный..; сумасшедший, бешеный, ненормальный..; нездоровый, больной..; дикий, неприрученный..; плохой, негодный для употребления..; вредный, обладающий отрицательными свойствами и др.* [5, с. 162–163]. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля фиксирует следующие семантические признаки и оттенки: «*... глупый человек, тупица, тупой, непонятливый.., малоумный, безумный, юродивый..; шут, промышляющий*

дурью, шутовством..; глупец, неразумный, глупый и самонадеянный..; глуповатый, взбалмошный, бестолковый, диковатый..; тот, кто не рассуждает и не слушает совета...» (выделено нами. – Я. М.) [6, с. 501–502]. Столь широкий спектр слов (вариантов) и значений в западно- и южнославянских языках с корнем *dur и практически отсутствие указанного лексико-семантического компонента в языке Древней Руси (о чем свидетельствуют тексты и лексикографический материал) дают право утверждать, что лексическая единица (равно как и концепт) с широким диапазоном сочетаемости и функционирования влилась в русскую языковую картину мира относительно поздно. С другой стороны, широкая вариативность и сочетаемость, представленность в живом разговорном языке (о чем свидетельствуют словари В. И. Даля и диалектные словари) и представленность в пространстве устойчивых словосочетаний (тут – пословицы, поговорки, афоризмы, фразеологизмы и др.) позволяют утверждать, что в живом разговорном языке восточных славян исследуемая лексема (тут и концепт) находилась за пределами языковой нормы и столь широкое распространение в языковом пространстве произошло несколькими столетиями раньше. По всей видимости, в XVI–XVIII вв. происходит сближение всего лексического ряда, репрезентируемого лексемой «дурак», с литературным языком, т.е. нейтрализация инвективного потенциала. В XIX веке она входит в широкий обиход и всё чаще представлена в живой разговорной речи, в художественной литературе и др. Более того, именно в этот период в геометрической прогрессии увеличивается потенциал сочетаемости не только лексемы «дурак», но и всего синонимического ряда. Правда, именно эта лексема приобретает самую высокую степень вариативности. Кроме того, расширяется и положительный спектр функционально-семантической структуры, которая представлена такими вариантами, как *дурушка, дурачок, дурашка* и др.

Двадцатый век ознаменован значительными лексикографическими достижениями. Создавая фундаментальные словари разного типа, исследователи детально описали семантическое пространство слова. Так, скажем, во фразеологических словарях, словарях пословиц и поговорок зафиксировано более двухсот случаев употребления устойчивых словосочетаний с компонентом «дурак», а также расширяется синонимический ряд. Если в начале XIX века синонимический ряд представлен неполными двумя десятками лексических единиц, то в конце XX века этот ряд составляет несколько сотен единиц, например: *абдерит, ахинеищик, баклан, балбес, балда, балдей, барабошка, баран, бездельник, безголовец, безумный, безнадежный, бессчетный, бельмес, бестолочь, бетон, бивень, блиндамед, блондинка, болван, блаженный, болтун, болтус, больной, бревно, буратино блажененький, бык, валенок, ванек, вахлак, веник, верблюд, верзила, воблоед, глупенький, глупец, глупый, глупыш, головотяп, гусек, далалай, далматин, даун, дебил, дегенерат, деребас, деревеница, дерево, детина, дlb, добролет, додик, долбак, долби в лоб, долбобоб, долбогрёб, долбодятел, долбозвон, долбоклюв, долбоклюй, долболлом, долбонавт, долбофак, долбоюноша, долбоящер, долдон, дуб, дубина (стоеросовая), дубинка, дубинушка, дуболом, дуботол, дуботряс, дубье, дундук, дупло, дурака, дура, чушка, дуралей, дуранда, дурандас, дурачило, дурачина, дурачище, дурачок, дурачье, дурашка, дурень, дурик, дурила, дурилка, дурило, дуругон, дурулом, дурушлеп, дурында, дурья голова, дылда, дылдак, дырокол, дятел, идиот, идиотик, идиотина, истукан и т.д.* Такое увеличение количественного показателя объясняется тем, что в поле зрения лексикографов и лингвистов попали единицы, функционирующие в молодежном сленге, криминальном жаргоне, художественной литературе, кинематографе, бардовской песне, шансоне и пр. источниках. Так, в «Словаре современного литературного русского языка» в 17-ти томах семантическая структура исследуемой лексемы описана достаточно полно. Основными семантическими компонентами

являются: «Дурак, а, м. 1. Глупый, тупой человек. Обычно в просторечии; ...Дурак дураком – об очень глупом человеке; в глупом, нелепом положении...; Устар. Лишенный рассудка; безумный, слабоумный...; 2. Истор. Слуга, забавляющий господина глупыми выходками...; 3. Название карточной игры. Играть в дураки, в дурака» [7, с. 1162].

Более полное отражение этой ментально-понятийной формы обнаруживаем в словарях культуры, концептов, культурных констант и пр., которые вышли в свет в течение последнего десятилетия. Так, в «Антологии концептов» под ред. В. И. Карасика и И. А. Стернина представлен достаточно полный, аргументированный и объективный срез исследуемого концепта. Данный концепт представлен тремя основными ярусами (моделями) – мифологическим, идейным и бытовым. Самая распространённая модель и ассоциат – «глупый человек». Но семантические рамки обозначенной модели расширяются за счет социальных, гендерных, возрастных, психофизических, поведенческих, социокультурных и др. особенностей. В «Антологии концептов» автор выделяет шесть основных признаков, по которым семантический признак *«неадекватно поступающий человек»* может быть представлен как семантическая доминанта и целостная структура. Это – *адекватность поведения; обладание положительными качествами; наличие способностей в бытовой и профессиональной деятельности; адекватность эмоциональных реакций; стереотипы поведения женщины в оценке мужчины* [8, с. 342]. Главным же семантическим признаком, объединяющим большинство значений и принципиальных подходов в интерпретации концепта, его ментального образа является «нарушение общепринятой нормы, существующего стереотипа».

Таким образом, обращаясь к такому малоисследованному концепту, лингвокультуре, понятию как *дурак*, рассматривая его в лексикографической ретроспективе, можно сделать вывод, что исследуемая единица языковой картины мира занимает весьма важное место в общей ментально-мировоззренческой, социокультурной и языковой системе русского языка, равно как и во всех славянских языках. На протяжении последних двух веков исследуемая ментально-понятийная и языковая единица заметно актуализировалась и вошла в категорию интенсивно используемых единиц. В течение последнего века не только существенно расширились словообразовательное гнездо и семантическая структура, но и в значительной мере гипертрофировались диапазон употребления, сфера функционирования, оттенки значения, сочетаемость, ассоциативный потенциал, тропеистическое (метафорическое) употребление, образность, психоэмоциональная наполненность и т. д. Однако заметим, что предварительные и весьма поверхностные исследования семантической структуры лексемы и концепта *«умный человек», «умница», «мудрый – мудрость»* показали, что за аналогичный период ярковыраженных динамик не манифестируют. Тексты особенной словообразовательной, структурно-семантической активностью и эволюцией сочетаемости и пр. по сравнению с XIX веком не отличается. Таким образом можно утверждать, что социокультурная, духовно-ментальная, языковая и пр. особенности обозначенного фрагмента бытия находятся в эпицентре духовно-интеллектуальной, этической, аксиологической и пр. обработки с целью «определения», «узнавания», «указания», «дифференциации» и, очевидно, противопоставления явлениям, которые принадлежат к социальной норме. Это свидетельствует об определенной динамике, поиске, анализе, вычислении признаков и т.п., то есть о духовном самосовершенствовании и проблеме поиска культурного и духовного идеалов.

РЕЗЮМЕ

Статтю присвячено вивченню функціональних особливостей концепту «дурень» у російському мовному просторі. Розглядається парадигматична, семантична, емоційно-експресивна та аксіологічна специфіка концепту і визначається його місце у мовній

картині світу. Подано варіанти лексикографічної інтерпретації поняття у діахронічній проекції.

Ключові слова: концепт, концептосфера, мовна картина світу.

SUMMARY

The article highlights the functional peculiarities of concept “fool” in the Russian language worldview. It focuses on the investigation of paradigmatic, semantic, emotional, expressive and axiological specific features of concept and its place in the language worldview is determined. The variants of lexicographic interpretation of the notion in the diachronical dimension are revealed.

Key words: concept, conceptual space, language worldview.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. Язык и наука конца XX века [Текст]. – М. : Изд. центр Рос. гос. гуманитарного ун-та, 1995. – 420 с.
2. Селіванова, О. О. Лінгвістична енциклопедія [Текст] / О.О. Селіванова. – Полтава : Довкілля, 2010. – 843 с.
3. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст] / М. Фасмер. – Т. I. — М. : Прогресс, 1964. – 562 с.
4. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1997. – 416 с.
5. Этимологический словарь славянских языков. – Т. 5 [Текст]. – М. : Наука, 1978. – 232 с.
6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. [Текст] / В. И. Даль. – Т. I – М. : Русский язык, 1978. – 699 с.
7. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. [Текст] / Под ред. В. И. Чернышева. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. – 1340 с.
8. Антология концептов [Текст] / Под ред. В.И. Карасика и И. А. Стернина. – М. : Гнозис, 2007. – 512 с.

Надійшла до редакції 16.09.2013 р.